

ИЗЪ ПЕРЕПИСКИ
Гр. А. К. ТОЛСТОГО

1851—1875 гг.

1864 г.

153 *).

Дрезденъ, 7 іюня.

Я провелъ все утро сегодня отъ 9^{1/2} до 4 ч. съ м-ше Павловой, которая мнѣ прочла 1-ый актъ „Смерти Валленштейна“... Переводъ—верхъ совершенства; мнѣ доставило истинное удовольствіе сравнить его съ оригиналомъ, и все утро прошло въ поправкахъ, которыхъ я потребовалъ отъ нея въ иныхъ мѣстахъ, и которыя она исполнила очень охотно, подчиняясь всему, чтѣ я говорилъ...

....Въ самомъ дѣлѣ, великолѣпный переводъ, но вотъ чтѣ меня тронуло: какъ только м-ше Павлова получила первыя деньги отъ Великой Княгини Елены Павловны, она дала 10 талеровъ Мальхенъ... и купила себѣ часы съ кукушкой, которая кукуетъ всякую ¹/₄ часа. О тебѣ она говорить какъ объ ангелѣ...

154.

Карлсбадъ, 27 іюня.

Я читалъ Гончарову „Смерть Іоанна“. Онъ восхитился, но ты никогда не отгадаешь, чтѣ онъ осудилъ и даже сказалъ, что онъ на это *негодуетъ*.—Зачѣмъ сбылось предсказаніе волхвовъ?

*) См. выше: май, 261 стр.

Это, молъ, невозможно. И зачѣмъ въ „Серебряномъ“, котораго онъ ставитъ очень высоко, сбывается предсказаніе мельника. Про „Серебрянаго“ онъ говоритъ, что это—подвигъ, и что меня только тогда оцѣнятъ, когда я умру,—а появленія „Смерти Іоанна“ уже ждуть со злобою, чтобы на нее напасть и уничтожить. Онъ же говоритъ, что она такъ хороша, что въ нашей литературѣ нѣтъ ничего ей подобнаго, *исключая „Бориса Годунова“*.

Онъ о ней пишетъ Тургеневу и все говоритъ про нее и относится ко мнѣ съ почтеніемъ, а за предсказаніе даже сердится. Онъ очень добрый и скромный...

...Сегодня шла по „Визѣ“ одна женщина и несла корзинку съ кипфелями, а за ней шель одинъ очень маленькій мальчикъ, въ грязненькихъ панталонахъ и держался за ея платье; изъ задней панталонной прорѣхи торчала у него очень бѣдная рубашка. Когда женщина остановилась съ кѣмъ-то говорить, онъ тихонько вытащилъ изъ корзинки одинъ кипфель и началъ жадно ѣсть, а мать увидѣла и захотѣла отнять. Тогда онъ поскорѣй зачихалъ кипфель за щеки и сталъ бѣжать съ крикомъ. Одинъ перчаточникъ вышелъ изъ лавки и поймалъ его. Тогда мать давала ему шлепковъ и отняла остатокъ кипфели, а онъ началъ горько плакать и опять уцѣпился за ея платье и пошелъ за ней маленькими шагами и все смотрѣлъ на корзинку... Во всемъ этомъ нѣтъ ни слова правды; все это я сейчасъ выдумалъ, никакой такой даже женщины не было.

155.

Карлсбадъ, 6 іюля.

...Ты мнѣ никогда не вѣришь, а Гончаровъ говоритъ, что я стою совершенно особнякомъ въ русской литературѣ и внесъ въ нее новый элементъ, и ни въ чемъ на другихъ непохожъ, а всѣ, дескать, другіе, и онъ самъ, столпились, дескать, въ одну кучку, и это, дескать, нехорошо.

А графиня *** говоритъ, что надѣется, что со мной встрѣтится *въ жизни*, а я говорю:—какое, говорю, мнѣ дѣло! Я люблю одну, а прочія всѣ тринь-трава. Учтивость, пожалуй, окажу, но болѣе не требуй никто...

А теперь дождь и холодъ.

А Г. когда ѣстъ, то все жеванное показываетъ и говоритъ жуя, такъ что я не хочу безъ надобности болѣе съ нимъ обѣдать. Чтѣ за откровенность?!

...Я сейчасъ былъ у графини ***, чтобы поблагодарить ее за то, что она сказала мнѣ вчера, что хочеть ветрѣтиться со

мной *въ жизни*. Пока я ее благодарилъ, доложили, что пришелъ къ ней король прусскій. Это значило, что я долженъ очистить квартиру. Я ее очистилъ.

Внизу встрѣтилъ короля, который сказалъ мнѣ такъ: „*Quel temps magnifique!*“! Иронія, значить, потому что холодно и дождь. Но я снялъ шляпу и отвѣчалъ какъ слѣдуетъ: „*Magni-perbe, Sire!*“. Вошелъ, то-есть, въ шутку короля, оцѣнилъ иронію...

Всѣмъ бѣднымъ людямъ здѣсь я дѣлаю визиты, а знатымъ никому, развѣ — если дама. Учивость оказать могу, а любви и не проси.

А у гр. *** есть дочь.

И вчера въ темнотѣ она мнѣ сказала:— „Видѣли ли вы мою дочь“?

— „О, нѣтъ, *madame!*“,—отвѣчалъ я.

— „Я хочу вамъ ее показать, я ею горжусь“!—сказала она.

— „Ну, показывайте“,—отвѣчалъ я.

— „Въ другой разъ“,—сказала она.

— „*Vigie!*“,—сказалъ я.

— „Графъ“,—отвѣчала она:—я хотѣла бы васъ встрѣтить не только въ Карлсбадѣ, но и *въ жизни*.

— „Гдѣ это такое, *madame?*“—спросилъ я.

— „Вездѣ“!—сказала она.

— „Я не премину туда явиться“,—сказалъ я.

— „Когда“?—спросила она.

— „Всегда“,—отвѣчалъ я.

— „*Merci!*“,—сказала она.

— „Не за что“,—отвѣчалъ я.

— „Шалунъ“!—сказала она.

— „Сирена“!—отвѣчалъ я.

156.

8 іюля.

....Мною совсѣмъ завладѣли вѣнценосцы. Сейчасъ иду къ В. Кн. Еленѣ Павловнѣ. Значить, она не разсердилась, что я вчера къ ней не пошелъ...

За обѣдомъ я встрѣтилъ графиню ***, которая говорить, что завтра уѣзжаетъ въ 11 ч. утра, но просить меня придти къ ней.

О чемъ бы это было?

Я ей расскажу исторію про кошку.

Вотъ, я сейчасъ пойду къ Еленѣ Павловнѣ, и какъ вернусь, то скажу тебѣ вкратцѣ, чтѣ и какъ...

Тамъ былъ одинъ нѣмецкій актеръ, который рассказывалъ

анекдоты. А самой Елены Павловны не было,—нездорова, дескать. А король былъ и графиня ***.

157.

11 июля.

....Я читаю теперь *Марево*; это чортъ знаетъ чтò! И талантъ есть, и нѣкоторыя удачныя описанія, и кой-какія хорошія выраженія, рядомъ съ сильнымъ лакействомъ. Романъ написанъ въ припрыжку, такъ что иной разъ и ничего понять нельзя.

Такой-то вышелъ изъ комнаты... даже уххаль,—и тотчасъ опять тутъ, и говорить какъ ни въ чемъ не бывало. Вдругъ явится какой-нибудь господинъ, о которомъ и рѣчи не было, и продолжаетъ что-нибудь такое, чему никогда не было начала. А начинается оно такъ:—Молодая дѣвушка купается въ пруду. Подходитъ незнакомый ей человекъ, графъ Бронскій, и вступаетъ съ ней въ разговоръ.

Она приглашаетъ его обѣдать.

Они садятся въ лодку и плывутъ на хуторъ. Дорòгой дѣвушка убиваетъ изъ ружья четыре домашнія утки. Графъ Бронскій прикусываетъ имъ шею (чтò дѣвушка не нравится), а она, когда они вошли въ домъ, отдаетъ ихъ повару вмѣстѣ съ живымъ ежомъ, котораго принесла въ платѣ, при чемъ она говорить:—На! Сдери съ него шкуру!—Утокъ ошипываетъ сама; потомъ обѣдаютъ. Она чрезвычайно образована, чувства ея самыя возвышенныя, много начитанности, и всѣ въ нее влюбляются. Потомъ идетъ страшная чепуха съ заговорами, повстанцами, мировыми посредниками, гимназистами и т. д.

Все это вертится на недавнихъ событіяхъ и потому какъ будто представляетъ какой-то интересъ. Авторъ перецеголялъ даже Кохановскую новостью языка. У него безпрестанно:—Здравствуйте! — почесался Николай Иванычъ.—Нѣтъ, этому не бывать!—уххаль Петръ Данилычъ.—Желалъ бы видѣть васъ на моемъ мѣстѣ!—женился Пудъ Савичъ, и т. д.

158.

Carlsbad, 13 июля.

....„Марево“, которое я читаю, уже не такъ плохо, какъ мнѣ сперва показалось.

Клюшниковъ—человекъ съ настоящимъ талантомъ, но онъ имъ орудуетъ какъ акробатъ. Во всякомъ случаѣ интересно...

....Сейчасъ я вернулся отъ Елены Павловны. Тамъ я сцѣпилъ съ д-ромъ Зегеномъ о томъ, что есть явленія, которыхъ объяснить извѣстными законами нельзя.

Зегенъ, разумѣется, доказывалъ противное и говорилъ слово въ слово то, что *Вальтеръ* и *Шлейденъ*. Разговоръ былъ по-нѣмецки, и сперва онъ привлекъ вниманіе Великой Княгини, а потомъ короля, и наконецъ всѣ сгруппировались вокругъ насъ. Когда присутствуетъ при спорѣ публика, которая слушаетъ и обсуждаетъ добросовѣстность противниковъ, меня не пугаетъ никакой противникъ, такъ какъ дѣло не заключается въ томъ, чтобы убѣдить его, но доказать его недобросовѣстность, что мнѣ совершенно и удалось.

Кажется, споръ продолжался около часу, и Зегенъ совсѣмъ поблѣднѣлъ отъ злобы, но всѣ перешли на мою сторону, такъ какъ я не цитировалъ фактовъ, а только констатировалъ право всякаго феномена быть раньше разсмотрѣннымъ, чѣмъ осужденнымъ.

....Передъ отъѣздомъ отсюда напишу тебѣ по телеграфу.

Я вчера купилъ, на нѣсколько крейцеровъ, маленькую палочку съ краснымъ набалдашникомъ и отнесъ ее маленькому, который сидитъ возлѣ матери въ *Puppische Allée*. Я засталъ его подъ столомъ и онъ очень былъ мнѣ радъ. Когда онъ меня видитъ, онъ закрываетъ глаза и идетъ ко мнѣ на встрѣчу перекачиваясь.

159.

Швальбахъ, (12) 24 іюля.

Сегодняшнюю твою депешу получилъ на вечерѣ у Императрицы, и пишу тебѣ въ *Hôtel d'Angleterre*, не зная навѣрно, застанетъ ли тебя мое письмо. Передъ отъѣздомъ пошлю тебѣ туда депешу, а навѣрно не могу сказать, черезъ сколько дней уѣду; „но буду *норовить*“, чтобы не остаться до именинъ Императрицы.

А она такая добрая, что совѣстно отъ нея уѣзжать.

Она увидѣла, какъ я пріѣхалъ, и позвала меня къ себѣ *сама*, какъ я былъ, съ сумочкой черезъ плечо. И про тебя спрашивала: и гдѣ ты, и какъ лечишься, и что мы дѣлали въ Римѣ? И счастливъ ли я?

Она, право, лучше всѣхъ; такую добрую трудно найти. И ужъ такая неофициальная и такъ съ ней легко говорить и легко быть.... Я ее ужасно люблю, и во всѣхъ положеніяхъ любилъ бы.

Мнѣ дали къ ней дипломатическое порученіе, словесное и секретное.

Вотъ тебѣ, чтобы тебя заинтриговать.

А изъ „Ивана“, на другой же день пріѣзда, т.-е., вчера, я ей читалъ три акта; а сегодня читалъ четвертый, а далѣе не могъ, потому что пріѣхала великая герцогиня Веймарская...

Ну, кажется, „Иванъ“, исключая Павловой, ни на кого еще такого дѣйствія не производилъ! Слушали: Императрица, Тютчева, Мальцева и m-me Friedrichs. Императрица, à la lettre, и краснѣла, и блѣднѣла, и уже такъ хвалила, и во время чтенія, и послѣ, что я былъ очень, очень радъ. Не знаю навѣрно, но кажется мнѣ, что ей хочется, чтобы его дали на русской сценѣ.

Если это случится, то моя репутація сдѣлана, несмотря ни на какіе журналы...

А у дочери Императрицы есть котъ, и у маленькаго Сергѣя Александровича есть котъ...

160.

Швальбахъ, 25 іюля.

Другъ мой, пишу къ тебѣ на удачу въ Hôtel d'Angleterre. Сегодня я кончилъ читать Императрицѣ „Ивана“.

Успѣхъ его былъ *удивительный*.

Еще останусь дня три, а потомъ надѣюсь, что можно будетъ ѣхать приличнымъ образомъ, а до того—нельзя.

Завтра пріѣдетъ Ольга Николаевна.

И у Павла Александровича есть котъ. Христосъ съ тобой!

1865 г.

161.

Петербургъ, 19 мая ¹⁾.

Я видѣлъ Государя сегодня. Онъ меня принялъ съ большой добротой—и благодарилъ меня за то, что я пріѣхалъ.

Онъ мнѣ сказалъ: — Могъ ли я подумать, что я его переживу!.. Я благодарю Господа, что Онъ мнѣ дозволилъ его увидать до смерти, но вы можете себѣ вообразить страданія, черезъ которыя я прошелъ во время путешествія.—Потомъ онъ мнѣ показалъ его портретъ, сдѣланный во время болѣзни. Я ему передалъ букетъ фіалокъ (Пустынскихъ) для Императрицы, которая приняла его и сказала, что пришлетъ за мною.

162.

22 мая.

.... Я обѣдалъ у Бобринскихъ и съ ними пошелъ къ Костомарову, который въ большомъ энтузіазмѣ насчетъ моей первой

¹⁾ Это письмо имѣетъ отношеніе къ кончинѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича.

драмы, и который говоритъ, что ничего подобнаго не знаетъ въ нашей литературѣ. Онъ говоритъ, что онъ, по крайней мѣрѣ, десять разъ ее прочелъ съ новымъ восхищеніемъ... Я постараюсь ихъ соединить съ Гончаровымъ и прочесть имъ вмѣстѣ „*Θеодора*“. Костомаровъ совершенно допускаетъ анахронизмы въ драмѣ и обращаетъ вниманіе только на правду въ исторически-психологическомъ смыслѣ, которая, онъ увѣряетъ, у меня достигнута съ замѣчательнымъ чутъемъ.

Я тебѣ не сказалъ, что вчера, послѣ чтенія, Б. и М., мнѣ говорили, что они чувствуютъ, что все должно было происходить такъ, какъ я описываю.

Они такъ же, какъ и ты, очень хвалили Ирину.

30-го мая, оба Великіе Князя ¹⁾ пріѣдутъ въ Пустынку, гдѣ Маркевичъ прочтетъ имъ „Смерть Іоанна“...

Сегодня я разговаривалъ съ В. А. довольно долго; онъ любить литературу, искусство и науки...

163.

Карлсбадъ, 8 августа.

....Сегодня подошелъ ко мнѣ одинъ человѣкъ и сказалъ:— „Позвольте рекомендоваться, я профессоръ Благовѣщенскій, давно желалъ“, и пр. Я притворился, что очень обрадовался, и сказалъ, что я также давно желалъ и много слышался и пр. Онъ началъ говорить, что читалъ „Серебрянаго“ въ Римѣ, въ кругу художниковъ, и что всѣ они восхищены и пр. Я сказалъ, что съ нетерпѣніемъ ожидалъ и пр.

А ты скажи мнѣ теперь, кто такой Благовѣщенскій? Здѣсь не у кого спросить.

....Я сталъ худенькій, какъ пудель, вышедшій изъ воды.

Быль сейчасъ у меня Благовѣщенскій, и увидѣвъ на столѣ Рѣтчера, сталъ говорить о нѣмецкой литературѣ, а съ Зегеномъ говорилъ по-нѣмецки очень хорошо.

Ну, кто же онъ?

А я сейчасъ былъ у Sabatier и засталъ его, потому—дождикъ. И я сначала говорилъ съ нимъ долго по-нѣмецки, а потомъ вдругъ сталъ говорить по-французски, ну и онъ говоритъ хорошо!.. гораздо лучше, чѣмъ Rohan. И сказалъ онъ, что Грегоровіусъ въ Германіи, и будто можетъ быть въ Карлсбадѣ, ну и что онъ издалъ V-й томъ своей Истории, и что—очень хорошо.

¹⁾ Покойный Государь Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

...А Благовѣщенскій, какъ я сейчасъ узналъ, не только написалъ „Горацій и его время“, но онъ еще дѣйств. статскій совѣтникъ—и есть у него жена и, кажется, добрая. Я думаю часто о Красномъ-Рогѣ съ Heimweh“, и вижу насъ всѣхъ верхомъ въ лѣсу. Вылечись непременно, чтобы мы могли съ тобой часто гулять и верхомъ, и пѣшкомъ, и въ Пустынкѣ, и въ Красномъ-Рогу и чтобы твоя рыженькая лошадка „Игрушка“ обрадовалась бы тебѣ...

А Петербургъ—это такая с....., что тошно и вспоминать о немъ....

Даже Берлинъ лучше!

164.

Карлсбадъ, 11 августа.

...Я только-что вернулся отъ Барятинскаго (ф.-маршала), которому я прочелъ послѣдніе акты „Донъ-Жуана“. Онъ—*восторженный* почитатель....

Вельегорскій, который уже слышалъ драму, приходилъ два дня сряду вторично ее слушать.

У Барятинскаго даже много драматическаго такта—и онъ мнѣ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній, очень тонкихъ для фельдмаршала, и за которыя я ему благодаренъ....

Барятинскій не перестаетъ говорить о „Теодорѣ“ и особенно объ Иринѣ, и онъ спорить со мной и утверждаетъ, что во всемъ, чтѣ я ему читалъ, нѣтъ ни одной длинноты и не надо ничего сокращать—*это неправда*.

Онъ говоритъ, что я выказалъ въ этой драмѣ большое знаніе человѣческаго сердца—*это правда*.

Мнѣ очень хотѣлось бы, чтобы ты съ нимъ познакомилась, онъ очень тебя заинтересовалъ бы...

165.

19 августа.

...Отправивъ тебѣ мое первое письмо, я пошелъ къ Сабатьѣ. Я еще тебѣ не сказалъ, что онъ—маленькій и жирный, и что у него борода такая же, какъ у Грегоровіуса—въ этомъ-то, вѣроятно, и заключается причина ихъ дружбы. А можетъ быть, что у нихъ на двухъ только одна борода, и что они ее носятъ поочередно. Оттого-то они не показываются никогда вмѣстѣ, и Грегоровіусъ находится теперь въ Тиролѣ.

Какъ бы то ни было, у Сабатьѣ отличное лицо и прекрасный ротъ. Первый разъ, когда я его видѣлъ, онъ немного ломался и

принималъ позы, какъ Грегоровіусъ, но теперь совсѣмъ нѣтъ. Мы говорили съ нимъ о кельтическихъ поэмахъ, скандинавскихъ и славянскихъ, и потомъ онъ мнѣ далъ прочесть переводъ „Вильгельма Теля“, по-французски, ямбами....

А у меня есть Рѣтчеръ—*Cyclus dramatischer Charactere*—и его же Шекспиръ—*in seinen höchsten Character gebildet*, и его же *Kunstdramatischer Vorstellung*—и *Letter on Corpulence*, by W. Banting. А ты знаешь, *Geschichte der Kunst von Shnase*—этого у меня нѣтъ.

166.

Карлсбадъ, 22 августа.

....Я сдѣлалъ прогулку съ Благовѣщенскимъ. Чтобы ты имѣла нѣкоторое понятіе о немъ,—вотъ что онъ мнѣ разсказалъ про свою молодость.

Во время вакаціи, когда онъ былъ студентомъ въ Лейпцигѣ, онъ отправился путешествовать пѣшкомъ по берегамъ Рейна, и когда они дошли до долины *Aarъ*, ему показалось это такъ красиво, что онъ совсѣмъ сошелъ съума: онъ сталъ пѣть, потомъ танцовать—и потомъ лишился чувствъ. Женщина, которая несла фрукты, была такъ прекрасно освѣщена солнцемъ, что онъ до сихъ поръ о ней говорить съ энтузіазмомъ.

Не правда ли, хорошій человекъ? Но теперь онъ бѣлокурый, толстый и сторбившійся.

Онъ—большой хохотунъ; онъ иногда смѣется до слезъ и говорить очень хорошо по-нѣмецки, и цѣнить все, что я говорю кельнерамъ, и самъ говорить отличные каламбуры по-нѣмецки. Онъ—другъ Костомарова, который много ему говорилъ про насъ и Пустынку.

Не правда ли, нужно когда-нибудь взять его съ собой туда?..

....Ты помнишь, прошлаго года я тебѣ писалъ объ одной женщинѣ, которая продавала пряники въ „*Puppsche Allee*“, и объ очень маленькомъ мальчикѣ, котораго называли *Adolph*, и которому я давалъ дудочки и другія игрушки. Ея теперь нѣтъ въ „*Puppsche Allee*“, и я собралъ о ней справки и узналъ, что она живетъ за городомъ и сдѣлалась прачкой, и я ее отыскалъ, и маленькаго тоже, и она мнѣ очень обрадовалась, а маленький такой несчастный, весь въ паршѣ, но тотчасъ меня узналъ и игрушки всѣ сохранилъ,—значить, нѣмецъ,—и я имъ далъ два гульдена, и она мнѣ сказала, что мальчику надо давать рыбій жиръ.

Вчера былъ концертъ въ пользу погорѣвшаго города и былъ тамъ поупурри изъ „*Africaine*“ съ надлежащими диссонансами и африканскими дудочками и эффектами....

....Sabatier очень хорошо читалъ „Malade imaginaire“, а самъ Зегенъ и Чермакъ оба смѣялись весьма добродушно. Признаться, это я попросилъ „Malade imaginaire“, а сначала хотѣли читать „Tartuffe“.

....А я не рѣшился спросить у m-me Sabatier, знавала ли она Бетховена; она еще не такъ стара, и могла бы обидѣться, а я какъ-нибудь наведу разговоръ на это...

....А сегодня у меня былъ новый триумфъ. Я прочелъ три акта „Иоанна“ двумъ священникамъ и одной попадѣ, и старый такъ добродушно наслаждался, что я не жалѣю, что читалъ. Онъ главнымъ образомъ оцѣнилъ *сжатость* и живописную правдивость...

И когда я прочелъ сцену съ Гарабурдой, онъ началъ танцовать на стулѣ и хлопать руками...

....Другой священникъ тоже танцовалъ, но меньше...

Они оба малороссы, и старый мнѣ сказалъ:—Это вы мнѣ такое удовольствіе доставили, что на всю жизнь!

Послѣ-завтра я читаю ему остальное.

1866 г.

167.

Гостинница Мирабо. Парижъ, 25 іюля.

....Съ В. Боткинѣмъ я встрѣтился на улицѣ сегодня вечеромъ, и мы пошли ходить и разговаривать...

....Вышло, что въ Петербургѣ былъ большой энтузіазмъ къ „Смерти Иоанна“, и до сихъ поръ продолжается между людьми всѣхъ цвѣтовъ, какъ онъ говорить.

Еще прежде него мнѣ говорили, что актеры читаютъ трагедію между собой, и съ нетерпѣніемъ ожидаютъ, чтобы ее поставили на сцену, и хотятъ во всемъ подчиниться мнѣ, какъ режиссеру, и ожидаютъ меня съ нетерпѣніемъ. *Если это правда*, то это очень хорошо. Посмотримъ, чтд завтра скажетъ Гончаровъ?

....Я былъ сегодня съ Новицкимъ въ Jardin d'Acclimatation, и смотрѣлъ тамъ исключительно только однихъ звѣрюшекъ, которыя сидятъ въ aquarium... Какія тамъ есть маленькія рыбки съ четырьмя ножками и съ золотыми, совершенно золотыми глазами. Ихъ зовутъ—сирены. При насъ кормили морскихъ крабовъ говядиной. Тамъ есть тоже раки, совершенно прозрачные, точно изъ воды, и все это въ корридорѣ, въ который свѣтъ падаетъ

черезъ воду. Это очень, очень хорошо, и мнѣ такъ жаль, что ты этого не видала.

168.

26 іюля. Hôtel Mirabeau.

...Сейчасъ я обѣдалъ съ Гончаровымъ и съ Боткинымъ. Они немножко поссорились за выборъ кушанья, поспорили, погорячились и успокоились. Ужъ чтѣ они оба говорятъ про „Смерть Иоанна“, и про то, какъ ее ожидаютъ на сценѣ, и что я назначенъ сдѣлать перерожденіе сцены, и пр. и пр...

169.

Карлсбадъ, 18 (6) августа.

...Здѣсь очень холодно, и Великая Княгиня топить комнаты всякій день... Вотъ чтѣ было сегодня. Нѣсколько дней тому назадъ я пилъ кофе у „Элефанта“. Ко мнѣ подошелъ хозяинъ, очень добренькій и старенькій, снялъ бархатную шапочку и пригласилъ меня на козью охоту, назначенную на сегодня. Я поблагодарилъ и принялъ.

Сегодня же, передъ тѣмъ, чтобы мнѣ идти на охоту, вошелъ ко мнѣ Н*** и, узнавъ объ охотѣ, попросился на нее. Я его представилъ этимъ нѣмцамъ, и они пригласили его очень радушно. У насъ же есть правило стрѣлять однихъ козловъ, а козъ пропускать. Въ первый загонъ передъ Н*** пробѣжала коза, и онъ удержался и не выстрѣлилъ, но послѣ загона все сожалѣлъ и говорилъ, что она должна была быть очень *вкусная*. А въ другомъ загонѣ онъ подстрѣлилъ одну женщину, которая собирала валежникъ, въ лицо, но, къ счастью, легко. Ее посадили въ коляску и отправили къ доктору, а послѣ охоты Н*** рассказывалъ на „Визѣ“: „Я сдѣлалъ счастье женщины, такъ какъ я ее немного подстрѣлилъ, и далъ ей золота“.

Оно такъ, только ни одинъ изъ Бобринскихъ такъ бы не поступилъ, и непременно самъ бы отправился съ этой женщиной къ доктору, и десять разъ въ день бѣгалъ бы къ ней. Я ее даже и не видалъ,—это случилось далеко отъ меня. А самъ я ни разу не выстрѣлилъ. А нѣмцы убили одного козла. Расскажи все это Андрейкѣ.

170.

Карлсбадъ, 19 августа

...Я сегодня совсѣмъ здоровый, и ходилъ гулять очень, очень далеко, потому что вчера получилъ твое письмо...

Н*** далъ подстрѣженной женщинѣ 15 луидоровъ и запла-

тилъ доктору, а у нея сегодня вынули дробь изъ головы, и никакой опасности нѣтъ.

Н***, сидя со мной у „Элефанта“ и вида разныхъ невзрачныхъ людей, проходящихъ мимо, сказалъ:—Экая здѣсь собачья компанія!

Онъ очень не нравится m-me Rahden. А еще мы разъ сидѣли у „Элефанта“, и мимо проходилъ господинъ, совершенно похожій на лягушку, а я сказалъ Н***:—Посмотри, какая идетъ лягушка!—а онъ отвѣчалъ съ почтеніемъ:—Это очень богатый банкиръ Оппенгеймъ, я у него на-дняхъ обѣдаю...

171.

21 августа.

...Я сегодня обѣдалъ у Велик. Княгини, съ Кошелевымъ—и опять ѣлъ форели... Она очень восхищается Пруссією—а я ни разу не пошелъ въ этотъ годъ на Friedrich-Wilhelms Höhe—и я избѣгаю этого, потому что ненавижу затылки пруссаковъ и ихъ животы, которыми они такъ гордятся.

Здѣсь находится старый помѣщикъ Ивинскій, большой энтузіастъ „Серебрянаго“. Вообще я пользуюсь большимъ успѣхомъ у старыхъ помѣщиковъ.

...Есть здѣсь одинъ человѣкъ, котораго ты знаешь—музыкантъ Hartmann изъ Дрездена, очень больной и печальный; я выбралъ его, чтобы ходить съ нимъ; онъ насилу ходитъ, но мнѣ съ нимъ легче, чѣмъ съ другими, оттого, что онъ такой печальный, и онъ также ко мнѣ съ удовольствіемъ примыкается, и всѣхъ людей избѣгаетъ, и мы все говоримъ про музыку, про Листа, онъ его ученикъ, и ужасно его любитъ, про Глука и про Моцарта, и про Вагнера. Я сейчасъ его довелъ до его дома, а до того проводилъ въ одну гостинницу, и смотрѣлъ, какъ онъ ѣлъ супъ и компотъ...

172.

Карлсбадъ, 22 августа.

...Здѣсь есть съ Великою Княгиней одинъ очень пріятный человѣкъ, музыкантъ Derfell. Онъ полу-нѣмецъ, полу-итальянецъ, очень хорошая смѣсь, особенно для музыканта. Его специальность—Beethoven, но я его еще не слыхалъ; къ нему же пріѣхало „piano“ изъ Лейпцига. И также у него славное лицо, совсѣмъ итальянское. Я его очень полюбилъ; онъ и умный, и наивный, и ротъ у него дѣтскій, и онъ рассказываетъ анекдоты, и самъ помираетъ со смѣху. Ужъ я какъ-нибудь привезу его къ тебѣ въ Пустынку.... Пусть онъ намъ играетъ Бетховена...

И началъ писать съ горя инструкцію актерамъ, по мало-помалу вписался, и выходитъ огромная статья, по мнѣ—очень интересная, которую слѣдуетъ напечатать. Тутъ и исторія, и психологія, и археологія, и фізіономика, и декорационное искусство, и эстетика, и критика. Мнѣ очень любопытно знать, чтѣ ты про это скажешь, а актерамъ, мнѣ кажется, оно будетъ полезно не только для моей трагедіи, но и вообще. Для моей же трагедіи это имъ необходимо...

....Сегодня уѣзжаетъ Кошелевъ, и мнѣ это жалко; я къ нему привыкъ, и онъ ко мнѣ. Онъ очень интересный и умный человекъ, и никакой въ немъ нѣтъ натяжки, никакого козырня, хотя онъ немного глухъ, но съ нимъ было очень ловко—и говорить очень пріятно...

Пруссаки напозли сюда со всѣхъ сторонъ, и всѣ въ мундирахъ, съ выпученными брюхами; раздражаютъ воздухъ своими голосами, и портятъ ландшафтъ.

Еслибы австрійцы были умнѣе, они стрѣляли бы въ нихъ не порохомъ, а персидскимъ порошкомъ.

Говорятъ, что изъ этого выйдетъ что-то великое. Они въ Богеміи съѣли всѣхъ дойныхъ коровъ, а въ Моравіи вставили себѣ даромъ фальшивые зубы.

173.

31 августа.

....А пруссакамъ я простилъ. Всѣ солдаты—самые порядочные люди, чрезвычайно скромные и учтивые, и офицеры очень скромные; въ кофейняхъ и гостинницахъ говорятъ не иначе, какъ вполголоса, и съ солдатами обращаются очень учтиво. И у всѣхъ солдатъ и у офицеровъ длинныя бороды. Ихъ даже австрійцы, у которыхъ они стоятъ, очень хвалятъ. Здѣсь есть одинъ огромный майоръ съ рыжей бородой, von Thiele; онъ съ такимъ радушіемъ показывалъ мнѣ Zündnadelgewehr, который взялъ у проходившаго егеря (тоже очень добраго), чтѣ я ему сегодня сдѣлалъ визитъ. Они вовсе непохожи на тѣхъ пруссаковъ, съ которыми мы обѣдали въ Берлинѣ. А все-таки было бы лучше, еслибъ ихъ не было, а вмѣсто ихъ жили бъ возлѣ насъ тосканцы, или испанцы, или шотландцы.

174.

3 сентября.

....Нѣтъ ничего смѣшнѣе, какъ воробьиныя ноги, когда онѣ прыгаютъ. Обыкновенно обращаютъ вниманіе на ихъ туловище,

которое тоже очень смѣшно, но если смотрѣть на однѣ ноги, то видно, какъ онѣ киваютъ маленькими желтенькими пятками такъ скоро-скоро,—и точно будто дѣлаютъ очень нужное и смѣшное дѣло. Мнѣ сказали, что можно издали узнать, когда я сижу у „Элефанта“, по воробьямъ, которые прыгаютъ кругомъ по землѣ.... И бестія! очень они неблагодарные. Раза два случалось, что иной наѣстся, взлетитъ на дерево, прицѣлится оттуда, и либо на рукавъ, либо около самой чашки.....

А Дерфель наканунѣ рассказывалъ разнымъ мужчинамъ очень неприличный анекдотъ про одного венгерца. Тутъ же были принцъ Виртембергскій, Раухъ, Розенъ и разные другіе. Вчера я у Вел. Кн., въ присутствіи дамъ и тѣхъ же самыхъ людей, и самого Дерфеля, объявилъ, что я хочу рассказать анекдотъ про венгерца, который я слышалъ наканунѣ. И началъ свой анекдотъ тѣми же словами, какъ Дерфель, и до половины было все совершенно то же. Принцъ Виртембергскій и всѣ испугались. Они подумали, что я сошелъ съума, и стали меня перебивать и смотрѣть на меня ужасными глазами. А я продолжалъ рассказывать, и вышло, разумѣется, не то, чтò они ожидали. Видя ихъ лица, m-lle Rhaden тоже испугалась. А послѣ, когда мы ушли, всѣ дорѣгой дѣлали мнѣ большіе комплименты...

Вотъ я говорю тебѣ вздоръ, а на сердцѣ кошки скребутъ... Я воротился отъ m-lle Rhaden, и тамъ была княгиня Мирская и дали ей ужинать одну холодную форель, и она мнѣ предложила половину, а можетъ быть думала, что я не возьму, а я взялъ да съѣлъ. И тамъ игралъ Дерфель съ однимъ голландскимъ скрипачемъ Rëndgen, и все они, черти, играли Шуберта, а Бетховена не играли. И Дерфель ужасно, мошенникъ, стучить, и онъ, пожалуй, разобьетъ наше піано въ Пустынкѣ, а здѣсь всѣ восхищаются, а онъ просто стучить пальцами.....

...Давай говорить о Римѣ, и какъ тамъ было хорошо; когда ты отдохнешь, мы опять туда поѣдемъ..... Дай Богъ, чтобы оно было такъ..... И мы поѣдемъ опять по дорогѣ въ *Ostia*, и будемъ видѣть свѣтлыхъ букашекъ и большихъ быковъ и хорошихъ мужичковъ въ косматыхъ панталонахъ. И вдали увидимъ горы, которыя не то горы, не то облака, не то музыка, не то запахъ цвѣтовъ. И услышимъ, какъ жаворонки поютъ и какъ кричатъ ослы. И поѣдемъ по улицамъ, и тамъ будетъ скверно пахнуть, а потомъ пріѣдемъ къ какой-нибудь церкви, и насъ впуститъ живописный монахъ, и мы увидимъ мозаики и полъ изъ орус alexandrinum. И въ Колизей пойдёмъ пѣшкомъ, потому что ты будешь спокойная и здоровая, и тамъ мы сядемъ и будемъ смо-

трѣтъ въ двери, въ стѣнахъ, и увидимъ черезъ нихъ кипарисы и пиніи. И потомъ придутъ братья милосердія и будутъ молиться... И въ галереи мы станемъ ѣздить... И Соня будетъ списывать картины... и Теано къ намъ будетъ ѣздить, и мы пойдемъ опять ночью бѣгать на Piazza del popolo съ завязанными глазами, а мраморные львы будутъ шумѣть, шумѣть фонтанами, и мѣсяцъ выйдетъ изъ-за Monte Pincio. И будетъ такъ тепло, и будетъ пахнуть померанцами, и на Корсо будутъ освѣщены aquajoli и магазины съ картинками, и мы купимъ себѣ транспарантъ церкви св. Петра. И у меня будетъ такъ легко на сердцѣ, когда я увижу, что ты спокойна! И всѣхъ я тогда буду больше любить.....

175.

Карлсбадъ, 8 сентября.

Анненковъ говоритъ, что у меня стихъ въ народныхъ сценахъ блѣдный и слабый. Видно, что у него братъ былъ оберъ-полицеймейстеромъ, и критика его написана чухонскимъ языкомъ; на каждомъ шагу ошибки противъ синтаксиса и грамматики, и которыя онъ называетъ *котурною*, и что драма возникла изъ поучительныхъ цѣлей. И говоритъ, что я пишу какъ французскій драматическій писатель. И что мнѣ нужно одолѣть собственную свою фантазію, сдѣлаться ея господиномъ и удвоить ея силу и дѣйствіе, подчинивъ строгому воспитанію мысли, опирающейся на законы творчества и на исторію, поясненную народными бытовыми началами. Вотъ какъ!.. Вальтеръ Скоттъ!.. Онъ говоритъ, что „Іоаннъ“ у меня совершенно *односторонній* и растетъ только въ одну сторону. Въ какую же ему сторону еще расти? Ужасно они глухи, эти критики, которымъ самимъ надо бы сильно учиться прежде, чѣмъ начать учить другихъ, а особенно цѣлую публику.

Да еще Анненковъ говоритъ, что схимникъ есть у меня *лукавое подставное лицо*, которое западныя европейскія драмы употребляютъ, чтобы пристыжать нелюбимыя ими эпохи, т.-е. что онъ является, чтобы выказать упадокъ Іоанна. Вишь какое открытіе! Какой онъ догадливый! Такъ прямо и догадался и нисколько не *ошибся*. И вообще, говоритъ, приемы моея постройки драмы суть приемы *европейскіе*.

176.

Carlsbad, 8 сентября.

Я читаю критику на „Смерть Ивана Грознаго“. Ее написалъ Анненковъ. Онъ боится и похвалить, и осудить, и все оговари-

вается, и ничего не говоритъ. Онъ не знаетъ и азбуки эстетики, и никогда, какъ видно, ничего объ эстетикѣ не читалъ. Даетъ онъ мнѣ такія правила, которыя я знаю лучше его, и укоряетъ въ томъ, противъ чего я роищу съ тѣхъ поръ, какъ себя помню. Напримѣръ, онъ говоритъ, что у меня прежде всего родилась идея *поученія*, и что къ ней я приспособилъ идею драмы, которая пришла уже послѣ. Очень нападаетъ на убіеніе Годуновымъ Іоанна, говоря, что оно не историческое, какъ будто я этого не знаю; наконецъ, что въ архитектуру трагедіи я внесъ иностранныя понятія, но что это мнѣ во многихъ мѣстахъ удалось. Чтѣ это за чепуха? Потомъ есть въ критикѣ цѣлыя полустраницы совершенной бессмыслицы, которую понять невозможно. Разбираетъ онъ меня вмѣстѣ съ Чаевымъ (котораго я не знаю, и который, можетъ быть, отличный писатель), и говоритъ, что мы оба достойны стать на ряду съ Островскимъ и Меемъ, и что у меня есть несомнительный талантъ. Мнѣ гораздо пріятнѣе разборы „Современника“, чѣмъ такія похвалы. Тамъ, по крайней мѣрѣ, просто ругаются, и тотчасъ видишь, съ кѣмъ имѣешь дѣло. Потомъ Анненковъ приводитъ *курсивомъ* такія слова, которыхъ у меня вовсе нѣтъ, и говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ съ *вѣнцомъ на голову*. Это, говорятъ, самая лучшая критика. Каковы же должны быть другія? Одно у него очень вѣрно и очень хорошо сказано. Онъ говоритъ, что всѣ лежатъ во прахѣ передъ моимъ Іоанномъ, а Іоаннъ все думаетъ: „они не хорошо лежатъ; они недостаточно откровенно лежатъ; они по бунтовщицки лежатъ“. Я наклепалъ на Анненкова; я сейчасъ опять взглянулъ въ книгу: онъ говоритъ, что Іоаннъ дожидается бояръ съ *вѣнцомъ на голову*, а не на *голову*.

177.

Дрезденъ, 14 сентября.

....Сегодня, между прочимъ, былъ одинъ скульпторъ Kirchhof, котораго я не зналъ, съ просьбою сдѣлать мой профиль для „*Illustrirte Zeitung*“, какъ извѣстнаго человѣка.... А Анненковъ сказалъ, что я сталъ на котурну и пишу какъ французъ, и что вся трагедія родилась изъ поучительныхъ цѣлей. Я нашелъ здѣсь ein Studium über Shakspear, какого-то Rümelin, который слово въ слово все то говоритъ, чтѣ я, и стало быть умный, и я тебя нарочно заставляю его прочесть и укажу на разные мѣста, чтобы ты видѣла, какъ всѣ комментаторы тащатъ свои истолкованія за волосы и видятъ тамъ красоты, гдѣ просто проглядики, упущенія и ошибки. Такъ откровенно, какъ этотъ Rümelin, еще не го-

ворилъ никто, а нѣмецъ—меньше, чѣмъ кто-либо. Мнѣ хотѣлось написать къ нему письмо, какъ къ человѣку, который мнѣ *geistesverwandt* ¹⁾).

Rümelin написалъ „Shakspearstudien“; онъ точно со мной сговорился и все то говорить, чтò я всегда говорилъ, а ужъ про сцену Ричарда III съ Анной говорить, что ее можно только потому простить ему, что она принадлежитъ къ его *Jugendwerk* амъ. И вообще онъ очень часто говорить слово въ слово то, чтò я...

1867 г.

178.

Дрезденъ, 12 августа.

....Я вчера пошелъ слушать „Лоэнгринъ“ и нашелъ его *велико-льпнымъ*; мнѣ кажется, что Вагнеръ для меня открылся такъ же, какъ Бетховень...

Мнѣ стоило громадныхъ усилій, чтобы не расплакаться въ первомъ актѣ, когда Лоэнгринъ появляется на лебедѣ.

Но я не дошелъ до того, чтобы восхищаться всей оперой, и второй актъ, наполненный речитативами, мнѣ показался страшно скучнымъ.

Третій актъ, напротивъ... разговоръ на диванѣ и отъѣздъ Лоэнгринъ—меня опять привелъ въ волненіе.

Мое единственное убѣжище—„Федоръ Иоанновичъ“ и переводъ „Магадэвы“ ²⁾...

А я перевелъ очень хорошо „Der Gott und die Bayadere“, а теперь перевожу: „Die Braut von Corinth“; не знаю, удастся ли оно, но я скажу какъ *Glück à Marie Antoinette*:—C'est magnifique,—то-есть, нѣкоторыя строфы, которыя я взялъ на удачу и съ конца, и съ середины. Только это я здѣсь и могу писать, потому что можно взять въ карманъ маленькую книжку и карандашъ, и гулять по горамъ.

179.

Карлсбадъ, 31 августа.

....Еслибы я былъ господинъ надъ своими впечатлѣніями, я былъ бы математикомъ и никогда бы не написалъ ни „Иоанна“, ни „Федора“...

¹⁾ Родственъ по душѣ.

²⁾ Разумѣется „Богъ и Балдера“, стихотвореніе Гёте, начинающееся словами: Mahadeh, der Gott der Erde...

Когда ты получишь это письмо, мнѣ будетъ 50 лѣтъ, и я—старенькій.

180.

8 сентября.

...Сегодня я хочу тебѣ рассказать, гдѣ я былъ. М-me Segen меня пригласила обѣдать въ „Постгофъ“ и потомъ идти вмѣстѣ съ ними на гору Мерзеръ, почти часть отсюда...

Послѣ обѣда m-me Agnemann присоединилась къ намъ, и мы отправились.

Вся эта гора состоитъ изъ *базальта*, и говорятъ, что въ Европѣ есть только два мѣста, въ которыхъ базальтъ трескается на колонны полигонныя, а именно въ гротѣ Фингала въ Шотландіи и въ другомъ еще гротѣ въ Ирландіи.

Мѣстоположеніе горы очень красивое, и видъ съ нея великолѣпный, и самая вершина горы состоитъ изъ кусковъ базальта, другъ около друга, точно огромный сотъ меда.

Но чтѣ больше всего произвело на меня впечатлѣніе и чтѣ прошло незамѣтно для общества, кромѣ m-me Agnemann, это процессія, которая несла образъ Божьей Матери, извиваясь по уклонамъ долины; пѣніе псалмовъ долетало до насъ ясно, съ мелодіей и аккордами, солнце садилось, и процессія казалась совѣмъ, совѣмъ маленькая.

Сегодня Рождество Богородицы. Возвратясь домой, я нашелъ букетъ, присланный m-me Agnemann; въ немъ были такіе черныя анютины глазки, какихъ я никогда не видалъ.

Я посылаю тебѣ образчикъ и письмо m-me Павловой, для альбома С.

Ты увидишь по письму, что моя трагедія принята, и что герцогъ меня зоветъ въ Eisenach.

181.

Карлсбадъ, 30 сентября.

Передъ кѣмъ же мнѣ хвастаться, какъ не передъ тобой. Мнѣ кажется, что я у тебя въ сердцѣ какъ дома, несмотря ни на что.

Я уже перевелъ 16 строфъ изъ „Коринѣской Невѣсты“, и мнѣ кажется, что между ними есть нѣкоторыя отличныя.

Насколько русскій языкъ красивѣе нѣмецкаго! Гораздо музыкальнѣе вышло по-русски: „und es kommt so grauenhaft schön heran“, и по моему, нѣкоторыя строфы вышли лучше по-русски, чѣмъ по-нѣмецки.

Я стараюсь, насколько возможно, быть вѣрнымъ оригиналу, но только тамъ, *идѣ вѣрность* или точность не вредитъ художе-

ственному впечатлѣнію, и, ни минуты не колеблясь, я отдаюсь отъ подстрочности, если это можетъ дать на русскомъ языкѣ другое впечатлѣніе, чѣмъ по-нѣмецки.

Я думаю, что не слѣдуетъ переводить *слова*, и даже иногда *смысль*, а главное, надо передавать *впечатлѣніе*.

Необходимо, чтобы читатель перевода переносился бы *въ ту же сферу*, въ которой находится читатель оригинала, и чтобы переводъ дѣйствовалъ на *тѣ же нервы*.

И этого, кажется, мнѣ удалось достигъ.

Что ужасно трудно—это маленькіе, короткіе два стиха передъ концомъ каждой строфы.

Наши слова все гораздо длиннѣе, чѣмъ нѣмецкія, и противъ воли приходится иногда отказаться отъ перевода маленькихъ подробностей: въ „Коринѣской Невѣстѣ“ довольно большое количество стиховъ, вставленныхъ лишь какъ заклепки, и я эти стихи безъ церемоніи отбрасываю, и русская строфа выигрываетъ и становится лучше нѣмецкой.

Я начинаю думать, что я лучше перевожу, чѣмъ *м-ше Павлова* съ нѣмецкаго на русскій. Съ русскаго на нѣмецкій я увѣренъ, что она лучше переводитъ. „Богъ и Байдера“ гораздо легче, такъ какъ тамъ нѣтъ этихъ коротенькихъ стиховъ, и вышло по-русски очень гармонично и, мнѣ кажется, переноситъ вполне читателя въ желаемую сферу, тождественную съ оригиналомъ.

...Нѣсколько дней тому назадъ, Крюднеръ баденскій велѣлъ меня спросить, хочу ли я имѣть фотографію Господа Бога? Я ему велѣлъ отвѣчать: конечно, я ее желаю, но только если она сдѣлана съ натуры, такъ какъ я не довѣряю портретамъ. А вотъ вчера я отъ него получаю письмо и три фотографіи, огромныя и ужасныя, снятыя—съ его рисунковъ... и представляющія Богъ-знаетъ что такое...

182.

Карлсбадъ, 12 сентября.

...Я обѣщаль тебѣ разсказать сегодня утромъ, какое впечатлѣніе произвелъ *Иванъ* въ Веймарѣ.

Вотъ какъ я это узналъ: я сидѣлъ въ „Постгофѣ“ и пилъ кофей и по близости сидѣли *Пахта*, съ нѣсколькими незнакомыми лицами. *Пахта* по-чешски значить *pâte, pasta*—пахтать—*pâture*—пасти, въ смыслѣ кормить—*пасть*, ротъ, которымъ ѣдятъ.

И тогда старый *Пахта* отдѣлился отъ своихъ и пришелъ и сѣлъ рядомъ со мной, и немного погодя графиня *Пахта* подошла къ нему и что-то сказала ему на ухо, и такъ какъ я слышалъ мое имя, я повернулся къ графинѣ съ любезнымъ лицомъ.

Въ ту же минуту, другая дама отдѣлилась отъ группы и приблизилась къ намъ и сказала мнѣ, что она желаетъ возобновить со мной знакомство, такъ какъ она со мной играла въ Веймарѣ въ 1827 году, и г-жа Пахта сказала мнѣ, что это—г-жа Бейстъ. Тогда я сдѣлалъ лицо еще любезнѣе и спросилъ ее, какъ ее зовутъ по крещенію. Она сказала, что тогда ее звали *Цецилія Герсдорфъ*, и я вспомнилъ, что тогда была такая *Цецилія Герсдорфъ*, кузина Леонарда Эглофштейнъ и сестры его Анны. И тогда она мнѣ сказала, что мужъ ей написалъ изъ Веймара, что всѣ были въ восторгѣ отъ чтенія „Ивана“, несмотря на то, что м-ше Павлова дурно читала и неприятнымъ голосомъ; и сказали, что въ новой нѣмецкой литературѣ ничего нѣтъ, что можно было бы сравнить съ „Іоанномъ“, и что рѣшено, что его будутъ играть, и что роли уже розданы, и г-жа Пахта прибавила, что меня можно только сравнить съ Шекспиромъ.

183.

13 сентября.

...Мнѣ очень трудно, можетъ быть даже невозможно убить въ себѣ совершенно *мое я*... но можно его уменьшить до необходимыхъ размѣровъ, и я хочу надъ этимъ поработать. Я думаю, что чувство своего *я*—есть неизбежная изнанка чувства *чести*. Можно имѣть чувство своего *я*, не имѣя чувства *чести*, но мнѣ кажется, что нельзя имѣть чувства *чести* безъ чувства своего *я*. Дѣло въ томъ, чтобы не допускать до того, чтобы оно брало верхъ надъ всѣмъ остальнымъ.

184.

Wartburg-bei Eisenach, 19 Sept

...Если бы ты знала, какъ здѣсь хорошо! Я пріѣхалъ сюда съ Мейендорфомъ, мы обѣдали у *Serenissim'уса* въ комнатѣ св. Елизаветы, гдѣ она жила, гдѣ находятся ея вещи и мебели въ византійской комнатѣ, но очень грубой и маленькой, съ колонной посреди комнаты, а чай пили у *Schlosshauptmann von Arenswald* въ дубовой комнатѣ, съ гербами и старинной посудой. И теперь пошли всѣ спать, и я сижу у дубоваго стола, передъ окошкомъ со свинцовыми рамочками, какъ медовые соты, и ничего не видать изъ окошка, потому что темно; а днемъ—удивительный видъ на горы, покрытыя лѣсомъ; большія старыя деревья не достигаютъ до моего окошка, такъ что я вижу ихъ макушки сверху.

А черезъ корридоръ отъ меня есть комната, wo es spuckt, и картина во весь ростъ одной Landgräfin von Thüringen, про которую картину мнѣ Arenswald разсказывалъ сейчасъ страшную исторію, съ нимъ случившуюся, вѣдѣдствіе которой онъ „mehrere Jahre schwermüthig war“. И я ходилъ со свѣчкой на нее смотрѣть. И Serenissimus мнѣ сказалъ очень серьезно: „Wenn Sie durchaus einen Spuck haben wollen, brauchen Sie nur in dieses Zimmer zu gehn“. И сколько здѣсь корридоровъ и лѣстницъ винтомъ! и кто не знаетъ хорошо этого замка, тотъ непременно заблудится.

Но все дышетъ здѣсь рыцарствомъ и Западомъ, и мнѣ право свободнѣе дышется, и я съ завистью смотрю на всѣ эти фамиліные портреты и фамиліную посуду, начиная съ XI столѣтія. Serenissimus хочетъ послать за Х*** въ Веймаръ, чтобы читать „Феодора“, и говорить, что много про него слышалъ...

А я опять пошелъ въ страшную комнату и смотрѣлъ на Landgräfin. Она освѣщена мѣсяцемъ; и туда идти было страшно, а быть тамъ не страшно, и ничего не случилось, а въ комнатѣ рядомъ со мной кто-то очень ясно ходить, и когда я туда войду со свѣчкой—никого нѣтъ. Мнѣ давно хотѣлось быть въ такомъ замкѣ...

185.

Эгеръ, 19 сентября.

...Я нахожусь въ самой грязной гостинницѣ, какую я когда-либо встрѣчалъ въ Германіи, въ огромной комнатѣ, желтой, мрачной, въ которой стоятъ фортеціано и двѣ кровати, но окна ея выходятъ на площадь, гдѣ дома имѣютъ высокія старинныя крыши, и напротивъ меня домъ, въ которомъ *Валленштейнъ* былъ убитъ.

Я нарочно почую въ Эгерѣ, чтобы завтра еще разъ посмотреть на этотъ домъ и на руины романскаго замка, въ которомъ Илло и Терцки были убиты, и потомъ еще посмотреть на подземную часовню—время Карла Великаго, самаго чистаго романскаго стиля.

Навѣрно, ни Терцки, ни Илло, ни Валленштейнъ, не интересовались этой часовней.

Передо мной горятъ четыре свѣчки, тонкія, коротенькія, гадкія—въ двухъ очень некрасивыхъ канделябрахъ—горятъ онѣ плохо, и комната темна... И вотъ, вотъ кто-нибудь войдетъ!.. А мнѣ какое горе?! Пусть только войдетъ, я такъ и брошусь на него, и зубы и губы разобью. Право, разобью,—пусть попробуетъ, пусть

войдетъ! А чортъ? Я тебя увѣрю, что я и его изувѣчу, если онъ войдетъ. Ты не вѣришь? Совѣстно божиться, а то бы побожился.

Было еще свѣтло, когда я пріѣхалъ—я пошелъ немного погулять передъ домою бургомистра, т.-е. не очень далеко отъ дома, и увидаль мраморную доску съ слѣдующей надписью: „In diesem Hause wohnte Friedrich von Schiller, als er in Eger verweilte behufs seiner Trilogie Wallenstein“.

Отъ Карлсбада сюда 6 ч. ѣзды, и я нанялъ себѣ коляску, лично для себя, чтобы быть одному...

Когда я проѣзжалъ чрезъ Фалькенау, который на полдорогѣ, я увидѣлъ старинный замокъ, принадлежащій графу Ностицу, и противъ всѣхъ обычаевъ—замокъ выстроены на равнинѣ и окруженъ вѣковыми деревьями, и близко отъ него—темный и тихій прудъ... Все это носить характеръ прошлаго вѣка—и я бы желалъ тамъ жить.

Лошади должны были кормиться полчаса, и я хотѣлъ уже выйти погулять, когда старый еврей, элегантный, что-то напѣвая, подошелъ ко мнѣ и спросилъ меня:

— Вы ѣдете въ Эгеръ?

— Да.

— Хотите меня съ собой взять?

— Если это вамъ очень нужно,—сказалъ я, пожимая плечами и съ неприятнымъ выраженіемъ лица.

— Я дамъ кучеру хорошей на чай...

— Какъ хотите,—сказалъ я и ушелъ въ садъ.

Тамъ я встрѣтилъ старушку и спросилъ ее, не она ли привратница замка? И она сказала—да!—И я ей сказалъ:—вы не нѣмка?—и она сказала, что она изъ Праги—тогда я началъ съ ней по-русски говорить.

Не доѣзжая до Фалькенау, я встрѣтилъ кучку цыганъ съ тремя медвѣдями.

Они побѣжали за мной, прося милостыню, и они совсѣмъ были похожи на нашихъ цыганъ, на самыхъ дикихъ, и я очень жалѣю, что я не остановился, чтобы посмотрѣть, такія же ли штуки продѣлываютъ медвѣди, какъ наши. А цыгане говорили на неизвѣстномъ языкѣ. А еврей сѣлъ рядомъ со мной и все хотѣлъ вступить со мной въ разговоръ—но я притворился спящимъ, и онъ мнѣ отравилъ все путешествіе своимъ дыханіемъ (пьющаго человѣка).

Нѣмцы (я подозреваю, что $\frac{3}{4}$ нѣмцевъ—евреи) не могутъ понять, что можно любить—быть одному.

Вчера, отличный нѣмецъ-хозяинъ кофейной „Элефанте“, вида

съ горестью, что я все одинъ гуляю, очень добродушно предложилъ мнѣ меня сопровождать всякій разъ, какъ я пойду гулять. Онъ очень, очень старый, съ маленькой шапочкой на головѣ.

Онъ меня тронулъ...

186.

Eisenach, 22 сентября.

...Я писалъ тебѣ вчера, что ко мнѣ явился красивый гусарь звать меня сегодня въ Wilhelmsthal обѣдать. Вотъ я сегодня тамъ и обѣдалъ, и они такіе радушные, такіе добрые, и такъ хорошо меня приняли и просили переѣхать на нѣсколько дней къ нимъ, и хотѣли даже, чтобы я тамъ сегодня почевать остался. Я сегодня не остался, но завтра переѣду къ нимъ дня на три или четыре, тѣмъ болѣе, что онъ говоритъ, что ему непременно нужно говорить со мной о постановкѣ трагедіи, которую онъ знаетъ наизусть, т.-е. не слова, а всѣ сцены. И русскую исторію онъ очень порядочно знаетъ, и вообще онъ хорошій человекъ—ganz ohne Steifheit.

187.

Вильгемсталь,—часъ ѣзды отъ Эйзенаха, (11) 23 сентября.

...Я думаю—я тебя увижу раньше, чѣмъ думать. Трагедія моя принята и одобрена—но это неправда, что роли розданы. Только роль Иоанна—предназначена Лефельду, о которомъ говорятъ, что онъ превосходенъ, и что созданъ для этой роли. Ни декораций, ни костюмовъ еще нѣтъ.

Дингельштедтъ ушелъ, а преемника ему еще не назначили.

Не думаю, чтобы можно было дать пьесу раньше ноября, и я ее не дождусь здѣсь, но, мнѣ кажется, мнѣ будетъ трудно не остаться къ 8 октября—день ихъ „серебряной свадьбы“...

Они всѣ такіе любезные ко мнѣ, что я *долженъ* остаться еще нѣсколько дней съ ними, а потомъ поѣду въ Веймаръ, говорить съ актерами, а потомъ къ тебѣ... Скоро твои именины, и у меня нѣтъ ничего для тебя, но пришлю тебѣ *Богъ и Бальдера*—чѣмъ богать, тѣмъ и радъ.

188.

Вильгемсталь, 24 сентября.

...Когда я былъ такой, какъ на портретѣ, который ты смотрѣла, я былъ маленькій и не говорилъ по-нѣмецки, и говорилъ въ Веймарѣ: „der Eier“, вмѣсто: „das Ei“, и мнѣ взяли гувернера, котораго звали Науверкъ, и онъ со мной гулялъ въ веймар-

скомъ паркѣ съ Каро, и онъ не позволялъ мнѣ давать Каро нести палку,—онъ говорилъ, что это не годится въ паркѣ герцога. И онъ мнѣ объяснялъ исторію Фауста, и онъ увѣрялъ, что когда Фаустъ возвратился домой съ черной собакой, онъ ей говорилъ:—Пудель, зачѣмъ ты бормочешь? Пудель не бормочи!—и я наострялъ уши и слушалъ. И разъ какъ-то моя мать попросила его зайти за мной къ Герздорфамъ; онъ отвѣчалъ, что онъ взялся смотрѣть за моимъ сердцемъ, а не за моимъ тѣломъ. И онъ нагрубилъ—и его отослали...

189.

Вильгельмсталъ, 26 сентября.

....Этотъ мой хозяинъ необыкновенно добрый человекъ и я, право, его полюбилъ, и ее тоже; они отличные люди, и съ ними очень ловко быть, только уѣхать я не могъ никакъ; онъ все хочетъ мнѣ самъ показать Wartburg и все откладываетъ. Наконецъ, завтра тамъ даютъ завтракъ; онъ ѣдетъ впередъ, а меня повезетъ она, и онъ насъ приметъ. Сегодня онъ ѣздилъ со мной въ Эйзенахъ. Онъ былъ въ мундирѣ съ желтенькимъ околышкомъ, потому что ѣхалъ смотрѣть какую-то казарму, и выпустилъ меня на дорогѣ въ Elisabethenwerke, съ тѣмъ, чтобы потомъ быть послѣ казармъ у Павловой и говорить втроемъ о постановкѣ „Ивана“.

И такъ я у нея дождался его возвращенія, и никогда я не видалъ подобнаго волненія... Онъ пришелъ статскимъ, и онъ прослушалъ чтеніе, предисловіе, которое она написала въ Пустынкѣ, но которое она порядочно разработала съ тѣхъ поръ. Потомъ онъ говорилъ болѣе часа, что онъ думаетъ, что должно быть сдѣлано для успѣха пьесы, и онъ не только говорилъ съ большимъ участіемъ, но съ большимъ артистическимъ чувствомъ. Видимо, что онъ хочетъ взять это дѣло въ свои руки, но представленіе можетъ быть только въ декабрѣ или январѣ.

Я обѣщала постараться къ этому времени приѣхать въ Веймаръ...

Послѣ того мы пошли съ Павловой посмотрѣть гротъ, гдѣ св. Елисавета раздавала хлѣбъ бѣднымъ А онъ такъ восхищенъ рисунками Шварца, что поручилъ мнѣ просить его непременно заѣхать въ Веймаръ, когда онъ будетъ возвращаться изъ Парижа.

....Вчера на охотѣ онъ такъ радушно благодарилъ меня за то, что я приѣхала, что даже тронулъ меня.

Здѣсь, кромѣ того, что необыкновенно красивая мѣстность,

на каждомъ шагѣ историческія воспоминанія и про Лютера, и про св. Елисавету, и про Тангейзера, и про Ludwig der Springer, и Ludwig mit der gebissenen Wange и пр. Когда мы вчера ѣхали на охоту, онъ ¹⁾ мнѣ показывалъ то одну руину, то другую, и все рассказывалъ легенды, относящіяся къ его роду. А когда мы въ лѣсу завтракали, съ нами сидѣли всѣ лѣсничіе, въ сѣрыхъ кафтанахъ и большихъ шляпахъ съ перьями, и старый форстмейстеръ съ сѣдой бородой рассказалъ намъ eine Gespenstergeschichte (исторію о привидѣніяхъ), которой не только онъ, но всѣ присутствующіе вѣрили, и про Wilde Jäger много говорили, и вообще было очень хорошо. А у тебя были рыжики?

190.

Вильгельмсталь, 27 сент.

....Мы были въ Вартбургѣ, тамъ былъ обѣдъ, и было два сына и одна дочь герцога Бернарда Веймарскаго, и одинъ изъ сыновей женатъ на лэди Леноксъ, которая тоже тамъ была, а потому разговоръ былъ по-англійски. И ты можешь себѣ вообразить, какъ я выказался, употребляя лишь самыя утонченныя выраженія. Скажи, пожалуйста, miss Fr. и m-r Fox'у, что ради пущей изящности я говорилъ hath, вмѣсто has, и не soix, а quoth, и не brothers, а brethern... Какъ тамъ на Вартбургѣ хорошо!.. Тамъ даже есть инструменты миннезингеровъ XII вѣка. Какъ бы тебѣ тамъ понравилось и показалось бы уютно. Тамъ много возобновлено, но много осталось и стараго. И какъ у тебя сердце бьется въ азіатскомъ мірѣ, такъ у меня забилося и запрыгало сердце въ рыцарскомъ мірѣ, и я знаю, что прежде къ нему принадлежалъ...

....Биландтъ здѣсь; онъ пріѣхалъ сегодня, и живетъ въ моей гостинницѣ. Завтра мы обѣдаемъ тамъ въ мундирѣ. Будетъ король прусскій, и что . . . если онъ теперь, сдѣлавшись могущественнымъ, будетъ мстить мнѣ за исторію про кота? и велитъ запереть въ башню? И здѣшній хозяинъ со слезами запретъ? Онъ, бѣдный, и прусское знамя уже поднялъ, а онъ вѣдь этого короля терять не можетъ; и желтенькіе выпушки отняли уже при мнѣ у его солдатъ, и всѣхъ его офицеровъ взяли въ прусскую службу. А онъ, бѣдный, сдѣлалъ сегодня вечеромъ этому королю встрѣчу съ Fackelzug'омъ, чтобы не все у него отняли. А королеву прусскую я зналъ, когда ей было 16 лѣтъ, и звали ее Prinzessin Augusta...

¹⁾ Великій герцогъ Саксен-Веймарскій.

191.

Веймаръ, 4 октября.

....Я только-что прїѣхаль изъ Иены; я туда поѣхаль въ 10 ч. утра, а теперь 5 ч. пополудни. Я видѣль Куно-Фишера, и онъ ужасно обрадовался мнѣ, и хотѣль, чтобы я остался у него жить. И онъ, точно Собакевичъ, не любитъ ни о комъ хорошо отзываться...

Теперь очень поздно; рано завтра я уѣзжаю въ Дрезденъ. Здѣшній хозяинъ даже со слезами на глазахъ со мной простился, и уже такъ обѣщаль стараться за „*Иоанна*“... Онъ необыкновенно добрый...

192.

Дрезденъ, 11 октября.

...И когда Веймарскій со мной прощался, я ему сказалъ всю правду, что его всѣ любятъ, и что мнѣ это говорили люди, которые даже не знаютъ, что я его знаю; онъ сказалъ очень натурально и просто: „Боже мой, я благодаренъ, но я знаю, что это не ко мнѣ относится. Это—наслѣдство, и я—его хранитель. Я стараюсь какъ можно лучше дѣйствовать, но я знаю, что я—портной, который всѣми силами старается хорошо заштопать старое платье“.

Онъ необыкновенно добрый, и его надо любить. Тебѣ онъ велѣль очень кланяться, извиняясь, что кланяется, не зная тебя... А Шедо-Феротти совершенно въ меня влюбился. Въ Веймарѣ онъ приходилъ ко мнѣ съ утра, и сидѣль до 6 ч. вечера, и вовсе даже мнѣ не мѣшалъ,—и доказательство тому, что я вдругъ среди самаго серьезнаго и горячаго разговора прерываль его, и дѣлаль каламбуры, и онъ такъ этого боялся, что припадалъ къ землѣ и затыкаль уши, и кричалъ:—*De grâces, épargnez moi!*—Онъ со мной прїѣхаль сюда, но при Мейендорффъ взялъ съ меня слово, что я дордгой не буду дѣлать каламбуровъ... И вмѣстѣ съ тѣмъ онъ говорить, что рѣдко встрѣчалъ человѣка, который бы такъ понималь *la chose publique*, и съ которымъ было бы такъ приятно о ней говорить.

Онъ даже хочетъ мнѣ писать письма, предоставляя мнѣ печатать ихъ, или нѣтъ. У него есть одинъ проектъ, съ которымъ я, не колеблясь, согласился, и предложилъ мои услуги. А Лефельдъ ужъ не зналь какъ меня честить, и предложилъ мнѣ взять на дорогу его шубу. Это было сказано совершенно отъ сердца. Онъ все повторяль: „Графъ, совершенно отстраняя вашу многоуважаемую личность, я долженъ вамъ сказать, что я глу-

боко потрясенъ красотой вашего творенія. Давно у насъ въ Германіи на сценѣ не было подобнаго произведенія“.

А тотъ профессоръ, которому поручены костюмы, мнѣ за глаза нагрубилъ, и Лефельдъ съ негодованіемъ прислалъ мнѣ его письмо, надѣясь, вѣроятно, что я тотчасъ пойду жаловаться вел. герцогу. А я, только-что сюда пріѣхалъ, побѣжалъ въ театръ, гдѣ давали: „Mina von Barnhelm“, Лессинга, и признаюсь, скучнѣе и хуже ничего еще не видалъ. Это—самая плоская вещь, какая только можетъ быть!..

193.

Дрезденъ, 13 октября.

....Я забылъ тебѣ сказать, что въ Веймарѣ есть бюстъ Гёте, сдѣланный французскимъ скульпторомъ, который никогда его не видалъ, и который его послалъ ему съ письмомъ, говоря, что онъ *воображаетъ* себѣ его такимъ, и бюстъ этотъ недурень и довольно похожъ... Это входитъ въ мою теорію насчетъ переводовъ, такъ какъ я увѣряю, что нужно переводить *впечатлѣніе оригинала*, и поэтому нѣкоторые переводы могутъ передать лучше мысль поэта, чѣмъ онъ самъ это сдѣлалъ... Бюстъ Гомера въ Неаполѣ навѣрно болѣе похожъ на него, чѣмъ его собственное лицо, если, какъ я надѣюсь, онъ существовалъ...

Я не знаю, чтѣ ты скажешь о моемъ переводѣ „Коринѣской Невѣсты“, но я увѣренъ, что я передалъ *впечатлѣніе*, часто не обращая вниманія на подстрочность...

1868 г.

194.

Берлинъ, 24 января.

....Я дорогой все читалъ Parerga и Paralipomena, и не только все понялъ, но даже все это зналъ прежде, чѣмъ прочелъ. Собственнымъ умомъ дошелъ.

Особенно то, гдѣ говорится über eine andere Art von Sein, т.-е., что если и уничтожится индивидуальность, то о ней нечего тужить: это все равно, какъ еслибы выздоровѣвшій хромымъ тужилъ о костыляхъ.

Индивидуальность—это только ограниченная Art von Sein. Она даже и не пропадетъ въ томъ смыслѣ какъ 1, 2 и 3 не пропадутъ, если ихъ вставить въ 10. И я написалъ очень хорошій монологъ Бориса Годунова въ разговорѣ съ Ириной...

195.

Веймаръ, 27 января.

Сегодня мнѣ такъ много дѣла, что почти не успѣю тебѣ писать.

Путру вошелъ красный гусарь, весь въ голубомъ, узнать о моемъ здоровьѣ. Потомъ вошелъ фурьеръ звать обѣдать. Потомъ, по просьбѣ директора, дѣлающаго репетицію въ 4 часа, обѣдъ отложили, и ко мнѣ пришелъ опять гусарь звать меня къ хозяину въ 11^{1/2} час.

Потомъ опять фурьеръ съ извиненьемъ, что обѣдъ отложенъ.

Былъ я у хозяина въ мундирѣ.

Онъ сказалъ: „если вы когда-нибудь придете ко мнѣ въ мундирѣ, я васъ приму въ мантии съ горностаемъ“.

Онъ тотчасъ же спросилъ про тебя, и не приѣхала ли ты? и какъ твое здоровье?

Онъ необыкновенно любезенъ и горячо хлопочетъ о трагедіи; онъ будетъ самъ на репетиціи, а вечеромъ у Мейендорфовъ.

Потомъ я былъ у директора, который съ энтузіазмомъ относится къ трагедіи и изъ кожи лѣзетъ; у него я сидѣлъ два часа и проходилъ всю трагедію, чтобы видѣть, что можно выкинуть и чтѣ—нѣтъ. Многое, чтѣ онъ предполагалъ выкинуть, актеры просили оставить...

Директоръ стоитъ за успѣхъ и говоритъ, что во всю его карьеру онъ въ нѣмецкой литературѣ ничего не читалъ, „was Diesem gleich käme“.

Однимъ словомъ, я—левъ!

Но я приѣхалъ вд-время, чтобы помѣшать одной глупости. Хотѣли дать роль Теодора женщицѣ, которая очень благоразумно отбивалась отъ нея и руками, и ногами! Она очень красивая, я ее видѣлъ, и она благодарила за то, что я ее избавилъ.

Ей дадутъ Ирину. Хозяинъ меня спросилъ: кто у насъ теперь замѣчательные прозаики? Я назвалъ ихъ и сказалъ, что появился одинъ новый прозаикъ, по имени Маркевичъ, и написалъ отличную вещь: „Типы прошлаго“. Онъ тотчасъ записалъ въ бумажникъ названіе романа и автора, и когда я ему сказалъ, что этотъ Маркевичъ хотѣлъ сюда приѣхать, онъ вскрикнулъ: „Прошу васъ, любезный другъ, телеграфируйте ему немедленно, что я приглашаю его приѣхать—какъ можно скорѣе, и что я буду очень доволенъ съ нимъ познакомиться. Это сущая правда, я такъ и сдѣлалъ“.

196.

Веймаръ, 28 января.

Деять часовъ утра, и я долженъ быть въ 10 на репетиціи. Репетируютъ утромъ и вечеромъ, и въ день представленія, 30 нов. ст., будетъ послѣдняя репетиція утромъ. Вчера репетировали три первые акта отъ 4 до 8 час.

Лефельдъ былъ *великопленъ*. Онъ мнѣ сказалъ: „Не судите меня по сегодняшней репетиціи; сегодня я не буду играть“.

И несмотря на это, у него были минуты превосходныя, и онъ нѣсколько разъ вызвалъ во мнѣ чувство содроганія. Онъ особенно страшень, когда онъ смѣется. Онъ невольно играетъ всѣми своими мускулами. Мнѣ кажется, нѣтъ причинъ его гримировать,—его лицо только бы потеряло. Но онъ—настоящій Іоаннъ IV по характеру. Послѣ репетиціи, по срединѣ улицы, говоря съ Лѣномъ, онъ разразился бранью и ругательствами и угрозами по отношенію одного еретика, который себѣ позволялъ нѣсколько замѣчаній насчетъ его игры въ Макбетъ. Волны существующихъ и вновь импровизированныхъ эпитетовъ лились изъ его устъ, сперва вполголоса, потомъ все громче и громче, доходя до полного грома.

Лѣнъ не зналъ, какъ его успокоить, и все говорилъ ему: „Но, дорогой Лефельдъ, надъ этимъ надо смѣяться, а не горячиться“,—но Лефельдъ все продолжалъ...

Во время репетиціи мнѣ нѣсколько разъ хотѣлось ему броситься на шею, а одинъ разъ мнѣ захотѣлось его прибить, что доказываетъ мое безпристрастіе. Нужно тебѣ сказать, что онъ продолжаетъ восторгаться пьесой и своею ролью, и не сомнѣвается въ успѣхѣ.

И такъ какъ не стѣсняешься съ тѣми, кого любишь, онъ позволилъ себѣ меня поправлять въ одномъ изъ самыхъ важныхъ мѣстъ, когда Іоаннъ въ концѣ 4-го акта повторяетъ приказаніе послать пословъ къ королю польскому.

Я долженъ былъ спорить съ нимъ, и только съ помощью Лѣна мнѣ удалось его убѣдить.

Онъ просилъ позволенія только разъ замахнуться топоромъ, и сейчасъ его отбросить подальше, говоря, что онъ за себя не отвѣчаетъ, что онъ способенъ вправду раздробить голову Гарабурдѣ...

Актеры посредственные, костюмы ужасные, декораціи невозможныя, но во всемъ много старанія и рвенія и серьезности. Всѣ отлично знаютъ свои роли. Всѣ столтники и слуги—передѣтыя женщины...

197.

Веймаръ, 29 января.

Наканунѣ представленія... Какая отличная сегодня была репетиція! *Serenissimus* тоже былъ и сказалъ: „Думали ли вы, когда мы были дѣтьми, что мы встрѣтимся здѣсь черезъ 40 лѣтъ, на сценѣ“?

Я сказалъ:—Нѣтъ!—А послѣ ужъ, когда онъ ушелъ, ко мнѣ подошелъ Борисъ Годуновъ (очень хороший) и сказалъ: „Не принимайте это за лесть; но кромѣ Шекспира я ничего не знаю, чтѣ можно было бы сопоставить съ этимъ. Мы все знали, что пьеса прекрасна, но теперь только, при репетиціяхъ, мы видимъ, до какой степени драма эта хороша и сильна, и мы все васъ благодаримъ“.

То же сказалъ мнѣ и режиссеръ, и директоръ, Лѣбъ, который на меня дулся за то, что я по просьбѣ всехъ актеровъ просилъ *Serenissimus*, чтобы сегодня отмѣнили пьесу, которую должны были давать; онъ подъ конецъ не вытерпѣлъ, подошелъ ко мнѣ и сказалъ: „Нѣтъ, это такъ великолѣпно, я не ожидалъ,—это самая сильная пьеса, которую я знаю“,—и дамы то же говорили мнѣ за картонными кустами.

А Мейендорфъ хочетъ тебѣ писать и на меня жаловаться, что я ихъ беру за талию! Но это неправда, я только съ ними учтивъ, а Мейендорфъ съ Павловой видѣли только изъ ложи, что я за кустами заставилъ двухъ изъ нихъ поцѣловаться между собою...

Посмотримъ, чтѣ завтра будетъ. А Лефельдъ знаетъ наизусть мою инструкцію, которую они перевели на нѣмецкій языкъ и слѣдуютъ ей съ величайшимъ уваженіемъ, и изъ этого выходитъ, что есть такіе эффекты, которыхъ не видали ни у Васильева, ни у Самойлова,—напр., когда Иванъ умираетъ и видитъ скомороховъ и принимаетъ ихъ за чертей! Просто волосы становятся дыбомъ, хотя скоморохи до сихъ поръ толстые, старые, почтенные отцы семейства, кривляющіеся совѣстливо и основательно. Шуть тоже очень хороши! Битяговскій—отличный. Кикинъ—плохъ. Вообще они дѣлаются все лучше и лучше, знаютъ свои роли твердо, а Лефельдъ знаетъ такъ твердо, какъ я—рѣчь Цицерона противъ Катилины, и безпрестанно велитъ суфлеру молчать.

198.

Веймаръ, 30 января.

Утромъ передъ представленіемъ.... Сегодня была генеральная репетиція, но еще безъ костюмовъ. Приѣхалъ изъ Дрездена

Фирксъ.¹⁾), чтобы смотрѣть сегодня вечеромъ представленіе и о немъ печатать статью...

...Я сегодня былъ не на сценѣ, а смотрѣлъ изъ кресель вмѣстѣ съ Мейендорфомъ, Фирксомъ и Павловой...

...Она разъ, обращаясь ко мнѣ, сказала:—Nippolyte!—говоря, что принимаетъ меня за своего сына, на что я, къ великому удовольствію Мейендорфа и Лѣна, отвѣчалъ ей:—Et moi, je vous prends pour Phèdre!..

Serenissimus былъ также на репетиціи. Идетъ превосходно, никто изъ участвующихъ не сомнѣвается въ успѣхѣ; говорить, что неуспѣхъ невозможенъ. Фирксъ говоритъ, что царь Иванъ Васильевичъ, это—„ein Hunne“. И дѣйствительно, Лефельдъ въ его роли—„ein Hunne“. Онъ среди репетиціи, которая вся была mezza voce, вдругъ разсердился на режиссера, да такъ принялся на него кричать, что тотъ совсѣмъ притихъ. Это уже нѣсколько разъ случалось, и послѣ всегда Лефельду дѣлалось совѣстно, и онъ старался всячески загладить свой крикъ.

Ему нарочно даютъ тупой посохъ, чтобы онъ кого-нибудь не убилъ. Шьютъ на него костюмъ прочнѣе, чѣмъ на другого, потому что онъ ихъ разрываетъ, когда сердится. Смерть его и страхъ чертей—великолѣпны.

Я объѣдаю въ четыре часа у Serenissim'a, въ мундирѣ, по случаю баварскаго посланника, потомъ переодѣваюсь и иду въ театръ, а изъ театра прямо опять къ Серениссимусу...

Посмотримъ, чтѣ будетъ...

У Лефельда были отличныя минуты, но онъ упустилъ не мало оттънговъ и сказалъ нѣсколько фразъ совсѣмъ фальшиво, и онъ валялся по полу 3—4 раза безъ всякихъ причинъ. Сцена угрозъ съ „Молчи, холопъ“—вышла отлично. Лефельдъ былъ деморализованъ; онъ въ этотъ самый день былъ съ похмелья. Тщетно его утишали; онъ буйствовалъ за кулисами, и игралъ фальшиво на сценѣ; онъ самъ это чувствовалъ, и его бѣшенство возобновлялось за кулисами.

Годуновъ былъ отличенъ. Говорятъ, что онъ никогда не былъ такъ хорошъ; тутъ открылись въ немъ новыя хорошія стороны.

Григорій Нагой (молодой сербъ—Савичъ) былъ превосходенъ, когда онъ читалъ письмо Курбскаго.

Битяговскій—очень хорошъ.

Кикинъ—отвратителенъ.

Шуйскій—очень плохъ.

) Известный публицистъ, писавшій подъ псевдонимомъ Шедо-Феротти.

Захаринъ—хорошъ.

Схимникъ—не дурень, но сцена невыносима, хотя ей очень аплодировали.

Царица — великолѣпна, въ своей красотѣ; и всѣ женскіе костюмы почти что вѣрны.

Лицо Лефельда великолѣпно—настоящее лицо Ивана...

Завтра еще напишу...

199.

Веймаръ, 31 января.

..Ты уже знаешь изъ моей телеграммы—огромный успѣхъ „Ивана“. Публика, дворъ, актеры, всѣ были въ восторгѣ, со всѣхъ сторонъ меня поздравляютъ.

Вчера я сидѣлъ совершенно одинъ въ моей Loge grillée, *совершенно одинъ*; вел. герцогъ и вел. герцогиня послали мнѣ кого-нибудь между каждымъ актомъ меня поздравлять. Вел. герцогъ самъ зашелъ ко мнѣ послѣ 2-го акта; лица изъ общества также приходили меня поздравлять; директоръ, актеры—тоже. Публика меня вызывала; послѣ представленія вел. герцогиня велѣла меня позвать въ большую среднюю ложу. Вел. герцогъ меня пригласилъ ужинать. Сегодня утромъ онъ пришелъ ко мнѣ въ гостиницу; меня сравниваютъ съ Шекспиромъ и съ Гёте,—однимъ словомъ, фуроръ. А совсѣмъ этимъ, я очень недоволенъ представленіемъ; я этого не говорю, но у меня тяжелое чувство, которое продолжается со вчерашняго дня. Лефельдъ былъ гораздо слабѣе, чѣмъ на репетиціяхъ, и я былъ въ немъ разочарованъ; я вижу, что онъ не умный актеръ.

200.

Веймаръ, 1 февраля.

Я сейчасъ стоялъ у открытаго окна въ халатѣ и курилъ, и смотрѣлъ на площадь, гдѣ стоитъ много возовъ, пріѣхавшихъ на рынокъ, и между прочимъ разныя телѣжки, которыя пріѣхали на собакахъ. Собакъ отпрягли, и онѣ сами сѣли въ телѣжки, и оттуда выглядываютъ и смотрятъ изъ одной телѣжки въ другую—враждебно. Снѣгъ весь сошелъ, тепло и пахнетъ весной, а у тебя, бѣдной, было 36°.

Вчера Serenissimus и Serenissima опять горячо благодарили меня за „Ивана“, и такъ настоятельно просили еще остаться нѣсколько дней, что я, право, не могу отказать. Онъ говоритъ, что и ты, вѣроятно, въ этомъ не откажешь.

201.

Веймаръ, 3 февраля.

Я только-что вернулся изъ Иены, гдѣ я обѣдалъ у Куно-Фишера съ Мейендорфомъ, и онъ былъ мнѣ очень радъ и удивительно насъ кормилъ, и каждое кушанье было съ лукомъ.

И тебѣ онъ посылаетъ своего „Лейбница“ съ надписью.

Онъ намъ читалъ свою статью о Ричардѣ III, а въ ту минуту, какъ мы вошли, онъ только-что кончилъ сцену Ричарда съ Анной, которую совершенно оправдываетъ и восхваляетъ. Когда онъ кончилъ, я ему сказалъ: „Sie sind ein so beredter Advocat, dass ich Ihnen jetzt glaube, morgen aber werde ich aufhören zu glauben“ ¹⁾.

202.

Веймаръ, 4 февраля.

Легче прѣхать въ Веймаръ, чѣмъ изъ него уѣхать.

Сегодня Куно-Фишеръ опять позвалъ обѣдать, и когда на его вопросъ я сказалъ, что ѣду завтра, онъ сказалъ: „Дорогой мой, я васъ умоляю, останьтесь еще завтра. Я очень хочу вамъ прочесть одну трагедію Геббеля: „Дмитрій Самозванецъ“; по-моему, это лучше, чѣмъ Шиллеровскій...

....Я думаю, кончится тѣмъ, что я удеру тихонько, какъ Michel Angelo отъ Giulio П...

M-me Leffeld просила меня зайти къ ней, и сообщила письмо мужа изъ Мейнингена, гдѣ онъ просить у меня прощенья за то, что нехорошо игралъ.

...Онъ, говорятъ, съ радости наканунѣ напился, и у него былъ Katzenjammer.

Она говорить: „Sie haben uns alle, alle, durch Ihre Persönlichkeit bezaubert“... Не думай, что я зазнался!..

203.

Царское-Село, 29 апрѣля.

...Императрица еще за мной не посылала, но, вѣроятно, буду сегодня вечеромъ читать. Я не привезъ съ собой мундира, а сегодня рожденіе Вел. Кн. Сергѣя Александровича. Я пошелъ къ Государю во фракъ, но, несмотря на это, онъ очень былъ

¹⁾ „Вы такой краснорѣчивый адвокатъ, что теперь я вамъ вѣрю, но завтра перестану вѣрить“.

добръ и справлялся о тебѣ. Вчера В. К. Сергѣй Александровичъ хотѣлъ, чтобъ принесли ему знакомую кошку; Императрица запретила, а онъ плакалъ и капризничалъ. Я предложилъ его гувернеру Арсеньеву рассказать ему извѣстную исторію о кошкѣ, чтобъ отнять у него всякую охоту ихъ видѣть. Вчера я провель весь вечеръ, до 12-ти, у К. Т. Тамъ была м-ше Б., и мы сидѣли въ китайской комнатѣ, въ которой когда-то многое происходило между мною и разными дамами и дѣвицами, и все это припоминалось, и мнѣ рассказали, насколько я былъ любимъ. Видишь?—Итакъ, уважай меня.

204.

Берлинъ, гостиница du Nord, 2 іюня.

....А Зубовъ молодець, онъ все время молчалъ и только разъ, когда мы остались наединѣ, и я его спросилъ, думаетъ ли онъ, что „Федоръ Іоанновичъ“ выйдетъ хорошо, онъ разгорячился и сказалъ почти со злостью: „Когда я одинъ его читалъ, у меня слезы брызгали изъ глазъ. А выйдетъ ли хорошо на сценѣ, не знаю. И тотъ актеръ, кто его сумѣетъ сыграть, будетъ великій актеръ“. И еще сказалъ: „Вы заставили бы нѣсколькихъ актеровъ, въ томъ числѣ и меня, прочесть эту роль“.

205.

Карлсбадъ, 30 іюня.

....Я тебѣ писалъ, что у меня былъ директоръ лейпцигскаго театра и просилъ *Смерть Івана*.

Потомъ мнѣ сказали, что ко мнѣ хочетъ придти бывший директоръ вѣнскаго театра—Laube (очень извѣстный). Его никто не любитъ, и, говорятъ, у него скверный характеръ, но его высоко ставятъ, какъ директора. Я взялъ да пошелъ къ нему: онъ сидѣлъ въ бесѣдкѣ; я говорю:—я такой-то. Онъ говоритъ:—Очень радъ, давно хотѣлъ, и пр. Потомъ онъ началъ говорить немного покровительственно:—гдѣ получили воспитаніе? и пр.

Я пропустилъ, на все отвѣчалъ скромно, а потомъ сталъ его экзаменовать: гдѣ онъ воспитывался? гдѣ родился? сколько ему лѣтъ? давно ли управляетъ театромъ? и пр.

Онъ умный, и тотчасъ сдѣлался скромнымъ, и мы начали говорить про Шекспира, и оказалось, что онъ то же говорить,

что и я. Напр., что сцена Ричарда съ Анной ganz unmöglich; и что ее только и терпят aus Pietät, и что много есть плохихъ сценъ у Шекспира; * и что Gervinus говорить вздоръ; и что Rümelin принесъ много пользы, и что Ulrici въ новомъ изданіи своего „Werk“ напечатавъ цѣлую статью: „Ueber die Schwäche Shakspeare's“.

И мы подружились...

